

Tatiana A. Kruglyakova

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

City Place Names and their Modification in Child Speech

Voprosy onomastiki, 2021, Vol. 18, Issue 2, pp. 121–138

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.022

Language of the article: Russian

Круглякова Татьяна Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Модификация городских названий в речевой деятельности ребенка

Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 2. С. 121–138

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.022

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
Российской
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.022
УДК 81'373.614-053.2 + 81'373.211.1:81'282 +
+ 81'232

Т. А. Круглякова
Санкт-Петербургский
государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

МОДИФИКАЦИЯ ГОРОДСКИХ НАЗВАНИЙ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕБЕНКА

Современная антропоцентрическая парадигма лингвистических изысканий нацелена на изучение особенностей индивидуальной языковой картины мира, в том числе топонимической. Моделирование процессов восприятия, запоминания и извлечения из памяти топонимов обычно происходит с опорой на экспериментальные данные. Но не менее информативным материалом могут стать модификации, которым подвергаются топонимы в речевой деятельности индивидов. Ценный материал представляют собой детские модификации, так как в речи детей в силу их недостаточного языкового и повседневного опыта топонимы подвергаются наибольшему искажению. На материале авторской коллекции модификаций петербургских топонимов, воспринятых на слух детьми 3–11 лет (более 170 фактов), делаются выводы об особенностях протекания процессов слухового восприятия (роли субъективной частотности, фонематических и супрафонемных характеристик слов в процессе смыслового прогнозирования, особенностях детских перцептивных эталонов фонем, специфике процессов этимологизирования и переосмысления внутренней формы слова), запоминания и хранения информации (иерархии связей внутри ментального лексикона ребенка; специфике протекания процессов семантизации лексики, в том числе собственных и нарицательных имен; роли самостоятельного конструирования слов и грамматических форм по мере воспроизведения лексических единиц). Анализ данных, полученных естественным путем, позволяет уточнить представления об особенностях конструирования и функционирования соответствующих фрагментов индивидуальных языковых систем и специфике протекания процессов речевой деятельности. Полученные

сведения могут быть использованы в работе с детьми для разработки методик развития речи, памяти и внимания, программ курсов исторического краеведения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: восприятие речи, детская речь, ложная этимология, ментальный лексикон, онтолингвистика, ослышка, речевая ошибка, топонимия.

К постановке проблемы

Развитие антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований позволяет взглянуть под новым углом зрения на традиционный материал языковедческих штудий — топонимическую систему русского языка. В центре внимания ученых оказывается человек, ориентирующийся в географическом пространстве с помощью определенных знаков. В понятие ориентации включают «и создание топонимов, и их использование в “готовом виде” при передаче пространственной информации адресату в любой его ипостаси, и их восприятие, понимание и интерпретацию в позиции адресата» [Голев, Дмитриева, 2008, 10].

Еще в 1985 г. А. В. Суперанская утверждала, что «каждый топоним не только создается для называния какого-либо объекта, но и употребляется в речи людей, говорящих об этом объекте. Следовательно, каждый топоним должен быть понят, принят, усвоен» [Суперанская, 1985, 108]. Постепенно объектом внимания лингвистов становятся механизмы заявленных процессов — восприятия, осмысления и последующего использования топонимов.

Психономастика (молодое направление, занимающееся личными именами с позиций психолингвистики [Васильева, 2014, 128]), как и психолингвистика, в основном базируется на экспериментальных методах. Начало изучению восприятия русских топонимов на материале ассоциативного эксперимента положила работа А. В. Суперанской [1975], и сейчас существует немало подобных исследований [см., например: Бубнова, 2011; Доржиева, 2013; Макарова, 2004; и др.].

Вне сферы внимания лингвистов часто остается обширный материал, названный Л. В. Щербой отрицательным [Щерба, 1974, 32], — ошибки, возникшие в ходе процессов восприятия, запоминания, извлечения из памяти и последующего репродуцирования топонимов. В научно-популярной книге Л. В. Успенского «За языком до Киева» описан случай, когда пожилые люди, приехавшие издалека, просят ленинградского таксиста отвезти их в *Заячью Рошу* (на улицу *Зодчего Росси*) [Успенский, 1988, 29]. Этот эпизод позволяет Л. В. Успенскому рассуждать об удачности выбора имени и его грамматической модели, но не менее полезно исследовать трансформации топонимов с точки зрения психолингвистики, анализируя, например, то, какие фонетические характеристики слов являются наиболее существенными для их опознавания, как срабатывают механизмы вероятностного прогноза, в каком виде хранится в памяти топонимическая информация.

По мнению А. В. Суперанской, ослышки, подобные приведенной, встречаются в топонимах «чаще, чем в словах общей лексики, поскольку здесь особенно

широк диапазон поисков понятного в непонятном» [Суперанская, 1985, 119], а следовательно, изучение функционирования топонимов в индивидуальной речевой деятельности будет несомненно полезным для общей теории речевой деятельности.

Богатый материал представляют собой модификации топонимов в речи ребенка, так как дети не опасаются попасть в смешную ситуацию, переспрашивая и переименовая названия, изменяя грамматические характеристики слов и выстраивая ассоциативные связи. Путь от услышанного к воспринятому был описан еще А. А. Потебней, который, размышляя над внутренней формой слова, писал: «Членораздельный звук, издаваемый говорящим, воспринимаясь слушающим, пробуждает в нем воспоминание его собственных таких же звуков, это воспоминание посредством внутренней формы вызывает в сознании мысль о самом предмете» [Потебня, 1993, 93]. Исследованию детской этимологии посвящены многочисленные работы, в которых предлагается типология мотивации по народно-этимологическому принципу [Гридина, 1989], классификация мотивационных связей, возникающих в сознании ребенка [Гарганеева, 1999], ассоциативный потенциал слова и его реализация в речевой деятельности говорящего в ходе языковой игры [Гридина, 1996]. Материалом исследования детской этимологии становились в том числе и факты искажения имен собственных [Доброва, 1992]. Однако пока еще не существует достаточно полного исследования, позволяющего рассмотреть ошибки по типу народной этимологии с точки зрения психолингвистики, тогда как, по мнению Е. Г. Биевой, детские ошибки представляют собой бесценный материал для исследования общих закономерностей процессов речепорождения и речевосприятия: «В период интенсивного развития речемыслительной деятельности, когда языковая активность предстает в неавтоматизированной форме, многие процессы, скрытые от наблюдения на более поздних этапах, оказываются экстерииоризированными» [Биева, 1986, 31].

Материал исследования

Материалом исследования стала авторская коллекция модификаций петербургских урбанонимов в устной речи детей 3–11 лет (более 170 фактов). Наш интерес сосредоточен в первую очередь на функционировании в речи ребенка топонимов, воспринятых на слух.

Рассматривая процесс модификации топонимов в речевой деятельности ребенка, мы намеренно не прибегаем к принятым в психолингвистических исследованиях экспериментальным данным, полагая, что моделирование процессов речевосприятия должно строиться также с учетом материалов, полученных естественным путем.

После примеров приводится информация о возрасте ребенка, а в некоторых случаях еще комментарии, данные близкими родственниками информантов.

Типы трансформации городских названий в речи ребенка

Паронимические замены. Ошибки вероятностного прогнозирования при восприятии топонимов

Одной из первых обратилась к анализу детских ослышек при восприятии топонимов С. Н. Цейтлин. В книге «Язык и ребенок: лингвистика детской речи» исследовательница приводит такой пример: «Пятилетняя Леночка, жительница Петербурга, убеждена, что есть станция метро под названием “Площадь с хвостами”. Это ей слышалось каждый раз, когда автоматический голос произносил в вагоне поезда: “Следующая станция — площадь Восстания”» [Цейтлин, 2000, 228]. С. Н. Цейтлин объясняет эту ослышку особенностями протекания процессов вероятностного прогнозирования: «Каждый слышит то, что он в состоянии осмыслить» [Там же]. Назовем подобные замены паронимическими и рассмотрим на их примере особенности протекания слухового восприятия в детской речи.

Аудирование — многоуровневый процесс, в ходе которого одновременно решаются разные задачи: разделение потока речи на элементы, сличение полученных фрагментов с единицами ментального лексикона и их распознавание, синтезирование информации и конструирование целостной картины смысла, определение прагматической направленности высказывания. Условием успешного восприятия становится вероятностное прогнозирование, в ходе которого слушающий, опираясь на предшествующий речевой опыт, создает собственную версию о том, что ему могут сообщить, и по мере развертывания повествования возвращается к воспринятому и подтверждает или опровергает первоначальные предположения.

Катя (6 лет) любит играть с пупсами-«голышами»; ул. Лени Голикова девочка называет *улицей Лени голенького*. Любопытно отметить совпадение детской ошибки с шутивным переименованием, бытующим в городском фольклоре. Н. Я. Синдаловский дает ему такое объяснение: на появление «беззлобного каламбура» в равной степени «повлияла как фамилия героя, легко поддающаяся трансформации, так и его юный, едва ли не детский, возраст» [Синдаловский, 2009, 235].

Еще одно совпадение отмечаем в городском фольклоре и речи Тони (3 года), которая называет площадь Александра Невского *лошадью Александра Невского*. Ошибка обусловлена детским восприятием пространства — две доминанты площади в сознании девочки связаны с лошадьми: конная статуя князя Александра Невского, на которую обращают ее внимание взрослые, и деревянная скульптура, изображающая троянского коня, во дворе музея городской скульптуры. Так же называли это пространство ленинградские битники в 1980-е гг. [Рыбин, 2013, 3]. Однако совпадение чисто внешнее: для молодежи сознательная языковая игра строилась исключительно на созвучиях (конной статуи еще не было на площади),

для ребенка — трансформация названия связана процессами смыслового восприятия.

В детской речи процессы осмысления услышанного играют ведущую роль, но, безусловно, на начальных ступенях восприятия ребенок ориентируется на созвучия. На основании серии экспериментов А. В. Венцов и В. Б. Касевич утверждали, что вероятностный прогноз строится при опоре на частотность слова, а также на его супрафонемные характеристики — длину в слогах и место ударного гласного [Венцов, Касевич, 1994, 60]. Частотность и акцентный контур слов оказываются существенными и при восприятии названий: *Бабигонское* шоссе трансформируется в *Бебибонское* (девочка, 3 года, по названию популярной игрушки) или *Бибигонское* (мальчик, 4 года, по имени героя К. И. Чуковского). Смысловый прогноз при восприятии частотных топонимов многократно верифицируется, что исключает возможность ослышки при несовпадении указанных характеристик. Так, не встречается в нашем материале типичная в детской речи паронимическая замена *ветеран* — *ветеринар* («На параде видел ветеринаров» — девочка, 6 лет; «Чеша (кличка кота. — Т. К.) боится ветеранов» — девочка, 4 года) при использовании названия *проспект Ветеранов*.

Количество заударных слогов менее важно для опознания слова: *проспект Римского коржика* (девочка, 5 лет, устойчивая ошибка в речи ребенка, возникшая, вероятно, в связи с частыми покупками выпечки в кондитерской на проспекте Римского-Корсакова).

В исконном и замещающем словах может не совпадать состав безударных гласных: *Кукушкин мост* (~ *Кокушкин*; мальчик, 8 лет). Замены безударных гласных встречаются и при несовпадении консонантного состава: *Старая Радуга* (~ *Старая Ладуга*; девочка, 6 лет, результат впечатления от летней прогулки), *проспект Марии Терезы* (~ *Мориса Тореза*; мальчик, 7 лет, любитель чтения детских исторических энциклопедий). Ориентиром могут служить необычные для русского языка сочетания гласных, например дифтонги, что приводит к искажению звукового состава слова: *Институт эфиона* (~ Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе; мальчик, 13 лет, вскоре после прочтения «Арапа Петра Великого» А. С. Пушкина).

По сравнению с просодическими характеристиками консонантный состав слова наименее важен для построения смыслового прогноза. Эти данные коррелируют с результатами многочисленных экспериментов в области восприятия как отдельных слов, так и целого текста [Венцов, Касевич, 1994, 60 и далее; Златоустова, 1962, 143 и др.; Касевич и др., 1990, 204–219; Штерн, 1992, 37 и далее]. А. С. Штерн и Л. Н. Мурзин утверждали, что для опознания слов наиболее существенны длина в слогах, качество ударной гласной, место ударного слога, принадлежность к определенной части речи, количество консонансов, и лишь потом — характеристики согласных: твердость — мягкость, смычность — щелевость, шумность — сонорность (в порядке убывания значимости)

[Мурзин, Штерн, 1991, 101]. Проиллюстрируем, как изменяется консонантный состав слова в детском восприятии.

Количество согласных может претерпевать незначительные изменения: ул. *Чуковского* (~ *Чайковского*; девочка, 5 лет; улица прилегает к Таврическому саду — месту действия «Крокодила» и «Мойдодыра»), *Нежлобский пер.* (~ *Нейшлотский*; девочка, 9 лет). Возможно изменение порядка следования согласных: *Каравелгардский бульвар* (~ *Кавалергардский*; устойчивая модификация в речи мальчика 7 лет, который часто посещает Военно-морской музей, находящийся недалеко от бульвара). Нередко смысловые ожидания приводят к изменению отдельных характеристик согласных: шумность — сонорность (ул. *Олега Кашевара* ~ *Олега Кошевого* — девочка, 7 лет; *Пальцевский рынок* ~ *Мальцевский* — девочка, 4 года), смычность — щелевость (ул. *Хлеба Успелского* ~ *Глеба Успенского* — девочка, 6 лет), твердость — мягкость (*аллея Ключико* ~ *академика Глушко*), мальчик, 5 лет (мягкость звука наименее релевантна при восприятии [1]). Иногда видоизменяются все названные характеристики: ул. *Пестика* (~ *Пестеля*; девочка, 8 лет, слово *пестик* ребенок воспринимает и использует в этом и в других случаях в значении ‘пистолет’).

Чаще всего неверный смысловой прогноз складывается в процессе восприятия иноязычных топонимов. Это находит объяснение в теории речевосприятия. При аудировании используются перцептивные эталоны, в которых отражаются представления о допустимых пределах варьирования фонем [Венцов, Касевич, 1994, 56]. Эти эталоны могут быть достаточно широкими и позволять угадывать звуки родного языка в иноязычных названиях. Так, передавая на русский язык название действующей эстонской кирхи и популярного концертного зала *Jaani kirik* (церковь апостола Иоанна) как *Яани кирик* (официальное название прихода и концертного зала), подчеркивают сверхдолгое звучание гласной [a], однако в речи детей долгота может полностью игнорироваться, также как отсутствие смягчения согласных перед гласными переднего ряда: *Яники* (мальчик, 6 лет).

Сходные процессы имели место в далеком прошлом: в основу названий улиц Конной Лахты легло словосочетание, которое можно перевести на русский как «Дом у залива». Русские переселенцы переосмыслили первую часть прибалтийско-финского имени *kontu, kondu, kond* ‘крестьянский двор, земельный участок’ как *конный* (о таких изменениях на карте Русского Севера см. [Захарова, 2015, 102]), несмотря на наличие / отсутствие аспирации [k] и более существенные отличия в произношении последнего слога исконного и русского вариантов. В речи современных детей процесс русификации продолжается, утрачивается сочетание [ht]: ул. *Конных латов* (т. е. конских доспехов; форма род. п. мн. ч. в детской речи часто образуется с помощью флексии *-ов*) — мальчик, 7 лет, частый посетитель Рыцарского зала в Эрмитаже.

Переосмысление внутренней формы слова. Особенности протекания процессов смыслового восприятия в детском возрасте

Стремление вычленив в незнакомом слове известные морфемы и так осознать его значение может приводить не только к паронимической замене, но и к искажению слова. Ж. Пиаже указывал на детское стремление к вербализму, т. е. «фантастическому истолкованию плохо понятых слов», приводящему к этимологизированию [Пиаже, 1997, 155–156].

Изменения, связанные с переименованием формы слова как реализацией этимологических представлений участника коммуникации, встречаются в речи детей довольно часто. Так, регулярно искажаются названия скульптур, изображающих мифологических существ: *свинкс* (~ *сфинкс*), *гривон* (~ *грифон*), *ослант* (~ *атлант*), *гинпотам* (об изображении гиппокампов на решетке Благовещенского моста; девочка, 5 лет, по дороге из Зоологического музея), *шиза* (~ *Ши-Цзы*; девочка, 10 лет, о «ненормальном» льве-лягушке на Петровской набережной). Кунсткамера называется *Скунс-камерой*, *Фунт-камерой*, *Кус-камерой*.

Слова, которые «слышат» дети, часто строятся по существующей в языке словообразовательной модели и незначительно отличаются от исконных: *Металлский пер.* (~ *Митавский*; девочка, 6 лет), ул. *Трюфелева* (~ *Трефолева*; мальчик, 5 лет). Однако при следовании грамматическим законам может существенно изменяться как звучание (*Болтанский вокзал* ~ *Балтийский* — девочка, 3 года; ул. *Маршала-Зумова* ~ *маршала Жукова* — девочка, 4 года, по именам героев мультсериала «Щенячий патруль» Маршала и Зумы), так и грамматические характеристики слова (ул. *Академика обрили* ~ *Орбели* — девочка, 4 года; «Ледокол крашен? А кто его покрасил?» — о музее «Ледокол “Красин”», девочка, 3 года).

Стремление к семантизации может оказаться сильнее грамматических законов. И. Н. Горелов предполагал, что вероятностное прогнозирование формы, осуществляемое по мере реконструкции слова, приводит к пренебрежению некоторыми грамматическими правилами [Горелов, 2003, 63]. В искаженных названиях сохраняются полностью или не до конца осмысленные фрагменты (*Ранний баум* ~ *Ораниенбаум* — 4 года; *метро Василия Стрпского* ~ «*Василеостровская*» — 8 лет), отсутствует грамматическая связность (ул. *шарик стекло* ~ *Жака Дюкло* — мальчик, 5 лет; ул. *ухо резкая* ~ *Бухарестская* — девочка, 4 года; возможно, *ухо* расценивается как сущ. ж. р., что часто бывает в речи детей), искажаются грамматические модели (*дорога на Тарахтальные острова* ~ *Турухтаные* — девочка, 7 лет; вероятно, от *тарахтеть* с изменением гласного основы, ср. *купать* — *купальный*).

Поиск причин, заставивших людей дать названия городским пространствам, необязательно приводит к искажению звучания и написания слова: «Улица названа в честь меня!» (ул. *Костюшко* — Костя, 8 лет); «Кто эта Стачек? Польша или

чешка?» (пр. *Стачек*, ср. ул. *Фучика*, ул. *Гашека* — девочка, 11 лет; использование неодушевленных нарицательных существительных во мн. ч. в память о повторяющихся событиях не распространено в петербургской топонимической системе).

Часто дети дают объяснения предложенным им названиям: «Памятник называется *Бедные сани*, потому что лошадка потеряла сани» (~ *Медный всадник*; девочка, 5 лет); «В *Скунс-камере* редкие звери хранятся» (~ *Кунсткамера*; мальчик, 7 лет). Однако предлагаемые объяснения часто выглядят искусственными, а в некоторых случаях поиск причин, побудивших использовать название, не ведется.

Воспринимая топонимы, дети часто удовлетворяются случайным фонетическим сходством слов, допуская возможность наличия в названии любых собственных или нарицательных имен. В таком отношении сказывается еще и особенность слухового восприятия, свойственная людям, недостаточно владеющим языком (аналогия — в терминологии И. А. Бодуэна де Куртенэ), — изменение слова без попытки поиска логики в названии, в силу «привычки к известным отношениям» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, 46]. Моя дочь (5 лет), увидев памятник Крузенштерну, вспоминает «Трое из Простоквашино», но фамилию переделывает на привычный лад, изменяя как корень, так и суффикс: «Памятник *Кругляништейну*? Человеку и пароходу?».

Исследуя восприятие речи на иностранном языке, Г. И. Богин выделил разные уровни понимания. На первой ступени слушатель прибегает к узнаванию отдельных слов и словосочетаний, в результате чего услышанное может сохранять свой первоначальный вид или превращаться в бессвязный набор слов и иногда даже содержать цепочки звуков, лишённые смысла. На следующем этапе (когнитивном) осваивается основное содержание сказанного, услышанное идентифицируется с единицами ментального лексикона — индивидуального внутреннего словаря. И наконец, человек переходит к распредемечающему пониманию [Богин, 1998, 66]: в нашем случае пытается догадаться, почему месту дано такое название.

Осмысление сказанного происходит поэтапно, но необязательно приводит к высшей ступени. Можно предположить, что ребенок часто просто фиксирует в сознании знакомые слова. На разных ступенях понимания останавливаются ученики третьего класса, записывая название *Ростральные колонны*: *Расстрельные* (связывают микропоним с именем петербургского архитектора Растрелли, не имевшего, однако, к ним отношения), *Расстрельные* (узнают знакомое слово). Девочка 5 лет говорит «*Иностранальные колонны*»; просьба объяснить, почему дано такое название, приводит ее в замешательство.

Осмысление «узнанного» названия может быть отложенным. Многие дети называют Казанский и Исаакиевский соборы *заборами*. После передачи Казанского собора Русской православной церкви и обнесения сквера унылой серой решеткой мальчик 5 лет замечает: «Оказывается, правильно назвали — забор!».

Модификация топонимов на этапе запоминания. Иерархия связей в ментальном лексиконе ребенка

Модификации, связанные с осмыслением, могут происходить не только в момент восприятия, но и в результате процессов запоминания и последующего извлечения из памяти. На ментальных картах городов возникают «лошадиные фамилии», позволяющие проследить, какие ассоциации помогают участникам коммуникации запоминать новую информацию.

Л. В. Успенский приводит реплику пассажира такси, забывшего название проспекта Мориса Тореза: «Помню, кто-то из видных деятелей Французской компартии, а кто именно — никак не могу сразу сообразить. Чуть было не сказал: проспект Кашена» [Успенский, 1988, 27–28]. Облегчая себе запоминание, проводят смысловые ассоциации не только взрослые, но и дети разного возраста. В выстраивании ассоциативного ряда играют роль энциклопедические знания: *остров Гогена* (~ *Матисов*; мальчик, 15 лет; название дано по имени владельца мельницы Матиса, а не художника А. Матисса); *Лунное поле* (~ *Марсово*; девочка, 4 года; название связано с мифологией, а не с астрономией); *Ленинская площадь* (~ *Владимирская*; девочка, 12 лет; площадь названа по Владимирскому собору) и языковые представления. В качестве близких по значению дети могут воспринимать слова, связанные гипонимическими связями (*Рыбная речка* ~ *Карповка* — девочка, 3 года; *Птичья канавка* ~ *Лебяжья* — девочка, 4 года); синонимы (*река Застёжка* ~ *Пряжка* — девочка, 4 года; *Фиолетовый бульвар* ~ *Сиреневый* — мальчик, 3 года; пл. *Работы* ~ *Труда* — девочка, 4 года; пл. *Революции* ~ *Восстания* — девочка, 3 года); слова, оказавшиеся в одном семантическом пространстве (ул. *Труда* ~ *Правды* — девочка, 4 года).

В отношении замены вступают паронимы. Дети и взрослые путают названия *Александринский* (театр; от *Александрина* — имя императрицы Александры Федоровны), *Александрийский* (столп; от *Александрия*), *Александровский* (сад), возводя их к общему производящему *Александр*. Смешиваются названия станций метро «*Политехническая*» (по расположенному рядом Политехническому институту) и «*Технологический институт*». Возведение названий улиц *Съезжинская* (получившей имя по полицейской управе — съезжему двору), *Разъезжая* (с 1736 г. так называют дорогу, по которой извозчики разъезжались на промысел) и *Съездовская линия* (ныне Кадетская, названная в честь I Всероссийского съезда совета рабочих и солдатских депутатов) к общему корню *езж-* также вызывает смешение.

Некоторые модификации свидетельствуют о том, что ребенок запоминает основание для выбора названия и, припоминая, заново конструирует топоним: пл. *Дуэлина* (~ *Расстрелли*; мальчик, 7 лет; итальянская фамилия воспринимается как русская, образованная по модели «сущ. + -ин», где производящее связывается со словами *стрелять*, *стреляться*); *Обведенный канал* (~ *Обводный*; мальчик, 4 года; название связывается с действием, выраженным глаголами *обводить*, *обвести*); *Крестильный остров* (~ *Крестовский*; девочка, 3 года; связала с крестинами

сестры, на которых побывала); ул. *Мойнинская* (~ *Мытнинская*; девочка, 4 года; связывает с мытьем, спрашивает, на этой ли улице живет Мойдодыр); метро «*Тридевяткино*» (~ «*Девяткино*»; девочка, 3 года; связывает со сказочным зачином); *Константиновский дворец в Расстрельной* (~ *Стрельне*; мальчик, 8 лет; побывал на экскурсии, где узнал, что в разработке первоначального проекта дворца принимал участие Растрелли-отец, а одна из его перестроек происходила под руководством Растрелли-сына).

Иногда происходит семантическое торможение: воспринятое кажется невозможным, и возникает сомнение в его правильности. Девочка 8 лет комментирует бегущую строку на табло в троллейбусе: «Написано “Гостинный Двор”! А надо *Гостиничный!*» (неизвестно *гость* в значении ‘купец’, но хорошо известно *гостиница*), «*Летейный проспект* пишется через *e*, потому что *лето*».

Родителям не всегда просто проследить детские ассоциации, запуск которых может осуществляться и в результате ошибки восприятия. Мальчик 4 лет сердится на взрослых, которые не понимают, где в Летнем саду *медуза-ворона* — решетка с медальонами, изображающими медузу Горгону (вероятно, *Горгона* было воспринято как *Каркона*, затем закрепились связь между изображением и вороной). Ошибка может быть связана с неверным восприятием многозначных слов или омонимов: *проспект Барабаничиков* (~ *Ударников*; мальчик, 11 лет; *ударник* известно только в значении ‘музыкант, играющий на ударных инструментах’).

В ходе ассоциативных экспериментов было выявлено, что ведущими для детей являются звуковые ассоциации. Эти данные интерпретируются как свидетельство того, что смысловые связи в ментальном лексиконе начинают формироваться поздно [см., например: Кожухова, 1991; Наумова, 1983; Уфимцева, 1983]. Однако материал спонтанной речи говорит об обратном. Для возникновения смешения в звучании необходимо подкрепление зрительными впечатлениями. Дети и взрослые путают *Лиговский* и *Литейный* проспекты как в силу схожести звучания, так и потому, что это соседние, перпендикулярные Невскому улицы; *Казанский* и *Исаакиевский* соборы, обладающие внушительными колоннадами, также часто не различаются в речи.

О роли смысловых связей в строении индивидуальной топонимической системы свидетельствуют и употребления топонимов, позволяющие проследить постепенное развитие значения слова. На ранних этапах речевого онтогенеза любое слово воспринимается как личное имя вещи, что подкрепляется спецификой инпута: взрослые обычно акцентируют предметную отнесенность имени [см. об этом: Цейтлин, 2000, 62]. Петербурженка 3 лет, уезжая из Иваново, говорит: «Мы с мамой поедem в город», т. е. в Петербург. Позднее топонимы могут использоваться в значении нарицательных имен. С. Н. Цейтлин поясняет: «Познав из опыта, что имя обычно соотносится не с одним денотатом, а с классом однородных денотатов, он расширяет сферу использования существительного на те денотаты, которые кажутся ему однородными» [Там же, 63]. Девочка 8 лет

употребляет название конечной станции второй линии метро — «Парнас» — в значении ‘конечная остановка транспорта’: «Где у этого трамвая парнас?». Мальчик 3 лет рассказывает, вернувшись из Краснодара: «Там Нева называется *Кубань*». Девочка 3 лет воспринимает название *Фонтанка* в значении ‘небольшая городская река с гранитной набережной’: *фонтанка Мойка, Любоедова фонтанка* (~ канал *Грибоедова*; отметим закономерную ослышку в фамилии, связанную с литературным опытом ребенка).

Роль механизмов порождения грамматических форм при репродуцировании топонимов

Другой дискутируемый вопрос, касающийся ментального лексикона, — воспроизводится ли грамматическая информация или заново конструируется в процессе речи. Изменение грамматических характеристик топонимов в речи ребенка позволяет проследить, в каком виде хранится слово в человеческой памяти.

В названиях улиц и площадей на протяжении последних ста лет конкурируют модели «прилагательное + существительное» (*Пушкинская улица*) и «существительное + существительное род. п.» (*улица Пушкина*). Частотные модификации наименований, построенных по второй модели, в речи детей говорят о том, что их восприятие может оказаться затрудненным: *Славный проспект* (~ *Славы*; мальчик, 5 лет), *Трудная площадь* (~ *Труда*; девочка, 6 лет), *Ударниковый проспект* (~ *Ударников*; мальчик, 7 лет), *Правдивая улица* (~ *Правды*; девочка, 4 года). Извлекая из памяти название улицы, ребенок заново конструирует его по наиболее удобной для себя модели.

Прилагательные в детских вариантах названий изменяются в основном по адъективному типу. В современной устной речи прилагательные, склоняющиеся по притяжательному типу, встречаются нечасто: активно они образуются только от имен собственных и терминов родства на *-а(-я)*. Как притяжательные прилагательные начинают изменяться и другие названия, если они воспринимаются как слова, образованные от имен и терминов родства: *на Бабушкиной улице* (~ *Бабушкина*; мальчик, 9 лет); *Мариночкин театр* (~ *Мариинский*; девочка, 5 лет; сначала использовала в речи вариант *Маринский*, затем образовала прилагательное самостоятельно). Чрезвычайно частотна ошибка *Анечкин мост* (~ *Аничков*). Мост назван в честь подполковника М. Аничкова, фамилия которого происходит от мужского имени *Аника*, *Аникита* и имеет ударение на втором слоге. Взрослые, называя дворец и мост, часто делают ударение на первом слоге, возводя фамилию к женскому имени *Анечка*. В речи детей происходит дальнейшая трансформация — образование притяжательного от *Анечка* при помощи продуктивного суффикса *ин-*.

В названиях, представляющих собой притяжательные прилагательные, образованные от фамилий, ошибки возникают особенно часто. П. А. Клубков отмечал, что трудности со склонением подобных названий горожане начали испытывать, когда в конце XIX в. стали распространяться названия, построенные

по модели «улица имени кого-либо» или «улица кого-либо». Ученый объяснял ошибку действием законов аналогии: «А теперь представьте себе, что вы живете в Петербурге, на Петроградской стороне, на улице, которая называется *Подрезова*, а ваш друг — неподалеку, на улице под названием *Подковырова*. Так вот, оказывается, что вы живете на *Подрезовой* улице, а друг — на улице *Подковырова* (но не *Подковыровой*!). Дело в том, что *Подрезова* улица — старое название, а *Подковырова* — на самом деле улица *имени Подковырова*, погибшего в 1919 г. большевика» [Клубков, 2000, 124–125].

Взрослые петербуржцы открыты модели «существительное + существительное» и готовы предположить, что в большинстве наименований слово *улица* должно предшествовать фамилии в форме род. п.: ср. широко распространенное в разговорной речи петербуржцев, в том числе с высоким уровнем образования, ошибочное употребление: *ул. Опочинина, Шамшева, Замшина* и пр., а также частотные ошибки в адресных табличках (*ул. Подрезова* [Доходный дом]), в печатных информационных материалах разных лет (*Дом бытового обслуживания на ул. Бармалева* [Дом бытового обслуживания] — ср. корректное *на ул. Бармалева, Бармалева ул.*), на официальном сайте Администрации Петербурга («Закрытие на 3 дня с 25.07.20 по 27.07.20 ул. Замшина в направлении от Бестужевской ул. до пр. Маршала Блюхера и от пр. Мечникова до Бестужевской ул.» [Калининский район] — ср. корректное «закрытие Замшиной ул. в направлении от Бестужевской ул.» или «закрытие ул. Замшиной в направлении от ул. Бестужевской»; «22 сентября в 11:00 собираемся на улице Бармалева, дом 2» [Петроградский район]) и т. д.

Подобные ошибки совершают и дети. Но если порядок слов сохраняется, взрослые изменяют названия по притяжательной модели: *на Подрезову, Опочинину, Шамшеву, Замшину ул.* (как это рекомендуется в литературной норме); дети же чаще переходят к адъективному типу: *Баскóвый переулок* (девочка, 8 лет), *Басóвый* (~ *Басков*; девочка, 6 лет), *на Большую Зелениную улицу* (мальчик, 7 лет), *Большая Зелёная* (~ *Большая Зеленина*; девочка, 4 года), *Замшевая улица* (~ *Шамшева*; мальчик, 10 лет; *Замшина*; девочка, 7 лет), *по Бредовому мосту* (~ *Бердов*; девочка, 6 лет). Ориентацией на продуктивную модель объясняется ошибка в названии улицы *Белы Куна*, получившей имя в честь участника рабочего движения в Венгрии, неизвестного, однако, большинству современных горожан. На табличках в маршрутных такси можно увидеть ошибочные написания *Белокуна, Бела Куна*. Возможно, последний вариант вызывает к жизни детскую модификацию *улица Белого Куна* (мальчик, 7 лет; полагает, что название связано с котами — мейн-кунами).

Типично детской особенностью является восприятие названия в форме притяжательного прилагательного как существительного во мн. ч. род. п. и дальнейшая его трансформация: *речка крюка́* (девочка, 4 года), *канал крючков* (~ *Крюков канал*; девочка, 3 года), *мост поцелуя* (~ *Поцелуев мост*; мальчик, 7 лет);

«Переулок Басков. Кто такие баскí? (девочка, 8 лет), «Рашеты — это решетки или ракетки?» (~ *Рашетова* ул.; мальчик, 7 лет), *остров метисов* (~ *Матисов остров*; девочка, 5 лет). Частично это можно объяснить тем, что в современном языке невозможно образование притяжательных прилагательных от русских фамилий (именно так получили названия *Крюков канал*, *Аничков мост*, *Басков пер.* и др.). Однако следует учитывать два факта. Во-первых, формы, созданные по продуктивным моделям (*Крюковский канал*, *Басковский пер.*, *Поцелуевский мост*), не встречаются в инпуте. Во-вторых, среди петербургских названий немало слов, образованных по регулярной модели, утрачивающей свою продуктивность относительно недавно [см. об этом: Шмелев, 2008, 929]: *Рашетова ул.* (названа в честь И. Рашета), *Бердов мост* (назван в честь Ч. Берда), *Матисов остров, канал, пер.* (названы в честь Х. Матиса) и пр. Определить производящую основу возможно только при наличии специальных знаний, которыми в основном не обладают ни дошкольники, ни большинство взрослых, поэтому как дети, так и взрослые не делают различий между регулярной и нерегулярной моделями, но при этом ведут себя по-разному.

Грамматическая «конкуренция» возникает при восприятии названий известных загородных резиденций — *Ломоносова* и *Петергофа*. Дворцы находятся рядом, финали их названий звучат сходно, что заставляет детей усматривать общность модели и произносить: *дворец в Петергове* (девочка, 5 лет, ориентация на русскую модель образования названий), «Я уже был в Петергофе и *Ломонософе*» (мальчик, 4 года; ориентация на уже освоенный конкретный образец).

Вместо заключения

Мы предложили краткий анализ путей трансформации городских названий в речевой деятельности ребенка. Психолингвистический угол зрения при исследовании топонимического материала позволяет утверждать, что восприятие названий носит активный характер: на начальных ступенях большое значение имеют длина слова в слогах и его акцентный контур, подключение механизмов вероятностного прогнозирования вызывает паронимические замены и изменения по типу детской этимологии, которые в большинстве своем не являются частью языковой игры, но приводят к сходным результатам. Поиски внутренней формы топонима, в первую очередь иноязычного, могут останавливаться на этапе узнавания отдельных фрагментов слова и приводить к искажению его звучания и морфемного облика. Несмотря на это, смысловые замены на этапе запоминания и особенности грамматического варьирования названий свидетельствуют о ведущей роли семантических связей в строении ментального лексикона самых маленьких детей, что позволяет уточнить данные, полученные экспериментальным путем.

Полагаем, что дальнейшее исследование детских модификаций топонимов скорректирует представления об особенностях конструирования данного

фрагмента языковой картины мира и о специфике протекания процессов речевой деятельности. Полученные сведения могут быть использованы в работе с детьми для разработки методик развития речи, памяти и внимания, программ курсов исторического краеведения.

Источники

- Дом бытового обслуживания // Архитектурный сайт Санкт-Петербурга. URL: <https://www.citywalls.ru/photo354852.html> (дата обращения: 07.05.2021).
- Доходный дом // Архитектурный сайт Санкт-Петербурга. URL: <https://www.citywalls.ru/photo179842.html> (дата обращения: 07.05.2021).
- Калининский район // Администрация Санкт-Петербурга : официальный сайт. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_kalinin/news/192765/ (дата обращения: 07.05.2021).
- Петроградский район // Администрация Санкт-Петербурга : официальный сайт. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_petrograd/announces/30228/ (дата обращения: 07.05.2021).
- Рыбин А. «Кино» с самого начала и до самого конца. СПб. : Амфора, 2013.
- Синдаловский Н. А. Книга Перемен: Судьбы петербургской топонимики в городском фольклоре. М. : Центрополиграф, 2009.
- Успенский Л. В. За языком до Киева: Лингвистическая проза. Л. : Лениздат, 1988.

Исследования

- Биева Е. Г. О понимании текстов на родном и иностранном языках // Лингвистические и психолингвистические исследования языка и речи : междувед. сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Овчинников, А. М. Шахнарович. М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1986. С. 31–38.
- Богин Г. И. Рефлексия и интерпретация: принцип потенциальной понятности всякого текста // Вопросы стилистики. Вып. 27 : Человек и текст / отв. ред. О. Б. Сиротинина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. С. 62–68.
- Бодуэн де Куртэнэ И. А. Лингвистические заметки и афоризмы: По поводу новейших лингвистических трудов В. А. Богородицкого // Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. С. 33–55.
- Бубнова Н. В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Смол. гос. ун-т. Смоленск, 2011.
- Васильева Н. В. Заметки о психономастике // Вопросы психолингвистики. 2014. № 20. С. 128–137.
- Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994.
- Гарганеева К. В. Явление мотивации слов в социо-возрастном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Томский гос. ун-т. Томск, 1999.
- Голев Н. Д., Дмитриева Л. М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. 2008. № 1(5). С. 5–18.
- Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе // Горелов И. Н. Избранные труды по психолингвистике. М. : Лабиринт, 2003. С. 15–105.
- Гридина Т. А. Основные типы детской мотивации по народно-этимологическому принципу // Гридина Т. А. Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск : Свердл. гос. пед. ин-т, 1989.
- Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Моск. пед. ун-т. М., 1996.
- Доброва Г. Р. Отражение в детской речи этимологических, народно-этимологических, деривационных и псевдодеривационных отношений антропонимов // Детская речь: лингвистический аспект : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Н. Цейтлин. СПб. : Образование, 1992. С. 49–57.

- Доржиева Т. С.* Семантика топонимов чайного пути на территории Бурятии: ассоциативный эксперимент : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / [Место защиты: Калмыц. гос. ун-т]. Элиста, 2013.
- Захарова Е. В.* Интергакция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2015.
- Златоустова Л. В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1962.
- Касевич В. Б., Шабельникова Е. М., Рыбин В. В.* Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990.
- Клубков П. А.* Говорите, пожалуйста, правильно! СПб. : Норинт, 2000.
- Кожухова Н. Е.* Онтогенез вербальных ассоциативных структур глаголов движения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Минск, 1991.
- Макарова Е. В.* Региональная топонимическая личность: на материале русской топонимии Алтая : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2004.
- Мурзин Л. Н., Штерн А. С.* Текст и его восприятие. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991.
- Наумова Т. Н.* О развитии значения слова в онтогенезе речи // Психолингвистические исследования в области лексикологии и фонетики / отв. ред. А. А. Залевская. Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1983. С. 109–118.
- Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. СПб. : Союз, 1997.
- Потебня А. А.* Мысль и язык. Киев : Синта, 1993.
- Суперанская А. В.* Экспериментальные методы изучения восприятия имен // Actes du XI Congrès International des sciences onomastiques / réd. V. I. Georgiev. Sofia : Acad. bulg. des sciences, 1975. P. 328–338.
- Суперанская А. В.* Что такое топонимика? М. : Наука, 1985.
- Уфимцева Н. В.* Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики / отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович. М. : Наука, 1983. С. 140–181.
- Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок: лингвистика детской речи. М. : Владос, 2000.
- Шмелев А. Д.* Поссесивы в современной русской грамматике // Динамические модели: слово, предложение, текст : сб. ст. в честь Е. В. Падучевой / ред. А. В. Бондарко, Г. И. Кустова, Р. И. Розина. М. : Языки славянских культур, 2008. С. 927–943.
- Штерн А. С.* Перцептивный аспект речевой деятельности: Экспериментальное исследование. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1992.
- Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 24–39.

Рукопись поступила в редакцию 27.09.2020

* * *

Круглякова Татьяна Александровна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка как иностранного
и методики его преподавания
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9
E-mail: t.kruglyakova@spbu.edu

Kruglyakova, Tatiana Alexandrovna
PhD, Associate Professor
Department of Russian as a Foreign Language
and Methods of its Teaching
Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya Emb.,
199034 St Petersburg, Russia
Email: t.kruglyakova@spbu.edu
<https://orcid.org/0000-0003-4408-7673>

Tatiana A. Kruglyakova

Saint Petersburg State University
St Petersburg, Russia

CITY PLACE NAMES AND THEIR MODIFICATION IN CHILD SPEECH

The anthropocentric focus of contemporary linguistic research highlights the specificity of individual linguistic worldview which includes a personal sense of toponymy. The studies discussing the ways that toponymic concepts are apprehended, memorized, and retrieved from memory are usually based on experimental data. But looking at irregular changes that toponyms may receive in individual speech is no less informative. Children's speech proves the most valuable source for this, since it is less bound to the language norms of everyday communication, which makes the modifications more distinct. The author uses a collection (more than 170 items) of St.-Petersburg toponym modifications from children of 3–11 years old, drawing some conclusions about the peculiarities of their auditory perception (the role of individual frequency, phonemic and supra-phonemic word features in building semantic awareness, the specificity of phoneme patterns recognition by children and the processes of etymologizing and rethinking the internal form of the word), memorizing and storing information (the study of the child's vocabulary connections and semantization of words including proper and common nouns; making up words and grammatical forms in the course of their multiple reproduction). Analysis of this real-life data brings clarity over some structural and functional aspects of individual linguistic systems and their speech manifestations. The information obtained can be used for creating child's speech, memory, and attention training programs, as well as for studies in local history.

Key words: speech perception, children's speech, false etymology, mental vocabulary, ontolinguistics, hearing impairment, speech error, toponymy.

- Baudouin de Courtenay, J. N. I. (1963). *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu* [Selected Works on General Linguistics] (Vol. 2). Moscow: AN SSSR Press.
- Bieva, E. G. (1986). O ponimanii tekstov na rodnom i inostrannom yazykakh [On the Understanding of Texts in the Native and Foreign Languages]. In V. N. Ovchinnikov, & A. M. Shakhnarovich (Eds.), *Lingvisticheskie i psikholingvisticheskie issledovaniia yazyka i rechi* [Linguistic and Psycholinguistic Studies of Language and Speech] (pp. 31–38). Moscow: Institute of Linguistics AN SSSR.
- Bogin, G. I. (1998). Refleksii i interpretatsiia: printsip potentsial'noi poniatnosti vsiakogo teksta [Reflection and Interpretation: The Concept of Potential Intelligibility of any Text]. In O. B. Sirotnina (Ed.), *Voprosy stilistiki* [Problems of Stylistics] (Iss. 27, pp. 62–68). Saratov: Saratov University Press.
- Bubnova, N. V. (2011). *Imena sobstvennye v strukture regional'nykh fonovykh znanii smolian* [Proper Names in the Structure of Background Knowledge of the Residents of Smolensk] (Doctoral dissertation). Smolensk State University, Smolensk.
- Dobrova, G. R. (1992). Otrazhenie v detskoj rechi etimologicheskikh, narodno-etimologicheskikh, derivatsionnykh i psevdoderivatsionnykh otnošenii antroponimov [Etymological, Folk-etymological, Derivational, and False-derivational Relations of Personal Names Reflected in Children's Speech]. In S. N. Tseitlin (Ed.), *Detskaia rech': lingvisticheskii aspekt* [Children's Speech: The Linguistic Aspect] (pp. 49–57). St Petersburg: Obrazovanie.
- Dorzheva, T. S. (2013). *Semantika toponimov chainogo puti na territorii Buriatii: assotsiativnyi eksperiment* [Semantics of Toponyms of the Great Tea Road on the Territory of Buryatia: Association Experiment] (Doctoral dissertation summary). Kalmyk State University, Elista.

- Garganeeva, K. V. (1999). *Yavlenie motivatsii slov v sotsio-vozrastnom aspekte* [The Phenomenon of Word Motivation in the Social and Age Aspects] (Doctoral dissertation). Tomsk State University, Tomsk.
- Golev, N. D., & Dmitrieva, L. M. (2008). Edinstvo ontologicheskogo i mental'nogo bytiia toponimicheskoi sistemy (k problematike kognitivnoi toponimiki) [The Unity of the Ontological and Mental Being of a Toponymic System (to the Problems of Cognitive Toponymy)]. *Voprosy onomastiki*, 1(5), 5–18.
- Gorelov, I. N. (2003). *Izbrannye trudy po psikholingvistike* [Selected Works on Psycholinguistics]. Moscow: Labirint.
- Gridina, T. A. (1989). *Problemy izucheniia narodnoi etimologii* [Problems of Folk Etymology Studies]. Sverdlovsk: Sverdlovsk State Pedagogical Institute.
- Gridina, T. A. (1996). *Assotsiativnyi potentsial slova i ego realizatsiia v rechi* [The Associative Potential of a Word and its Implementation in Speech] (Habilitation dissertation). Moscow Pedagogical University, Moscow.
- Kasevich, V. B., Shabel'nikova, E. M., & Rybin, V. V. (1990). *Udarenie i ton v iazyke i rechevoi deiatel'nosti* [Stress and Tone in Language and Speech]. Leningrad: LGU Press.
- Klubkov, P. A. (2000). *Govorite, pozhaluista, pravil'no!* [Please, Speak Correctly!]. St Petersburg: Norint.
- Kozhukhova, N. E. (1991). *Ontogenez verbal'nykh assotsiativnykh struktur glagolov dvizheniia* [The Ontogeny of Verbal Associative Structures of Verbs of Movement] (Doctoral dissertation). Belorussian State University, Minsk.
- Makarova, E. V. (2004). *Regional'naia toponimicheskaiia lichnost': na materiale russkoi toponimii Altaia* [Regional Toponymic Personality: Based on the Russian Toponymy of Altai] (Doctoral dissertation). Altai State University, Barnaul.
- Murzin, L. N., & Stern, A. S. (1991). *Tekst i ego vospriatie* [Text and its Comprehension]. Sverdlovsk: Ural University Press.
- Naumova, T. N. (1983). O razvitii znachenii slova v ontogeneze rechi [On the Development of the Word's Meaning in the Ontogeny of Speech]. In A. A. Zalevskaya (Ed.), *Psikholingvisticheskie issledovaniia v oblasti leksiki i fonetiki* [Psycholinguistic Research in the Field of Vocabulary and Phonetics] (pp. 109–118). Kalinin: Kalinin State University.
- Piaget, J. (1997). *Rech' i myshlenie rebenka* [Child's Speech and Thinking]. St Petersburg: Soiuz.
- Potebnja, A. A. (1993). *Mysl' i yazyk* [Thought and Language]. Kiev: Sinta.
- Shcherba, L. V. (1974). *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad: Nauka.
- Shmelev, A. D. (2008). Possessivy v sovremennoi russkoi grammatike [Possessives in Modern Russian Grammar]. In A. V. Bondarko, G. I. Kustova, & R. I. Rozina (Eds.), *Dinamicheskie modeli: slovo, predlozhenie, tekst: sb. st. v chest' E. V. Paduchevoi* [Dynamic Models: Word, Sentence, Text: Collected Papers] (pp. 927–943). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.
- Stern, A. S. (1992). *Pertseptivnyi aspekt rechevoi deiatel'nosti: Eksperimental'noe issledovanie* [Perceptual Aspect of Speech Activity: An Experimental Study]. St Petersburg: SPbGU Press.
- Superanskaya, A. V. (1975). Eksperimental'nye metody izucheniia vospriatiia imen [Experimental Methods of Studying the Perception of Names]. In V. I. Georgiev (Ed.), *Actes du XI Congres International des sciences onomastiques* (pp. 328–338). Sofia: Acad. bulg. des sciences.
- Superanskaya, A. V. (1985). *Chto takoe toponimika?* [What is Toponymy?]. Moscow: Nauka.
- Tseitlin, S. N. (2000). *Yazyk i rebenok: lingvistika detskoj rechi* [Language and Child: Linguistics of Children's Speech]. Moscow: Vldos.
- Ufimtseva, N. V. (1983). Opyt eksperimental'nogo issledovaniia razvitiia slovesnogo znachenii [An Experimental Research on Semantic Development]. In A. A. Leontyev, & A. M. Shakhnarovich (Eds.), *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic Problems of Semantics] (pp. 140–181). Moscow: Nauka.
- Vasilyeva, N. V. (2014). Zametki o psikhonomastike [Notes on Psycho-onomastics]. *Voprosy psikholingvistiki*, 20, 128–137.

- Ventsov, A. V., & Kasevich, V. B. (1994). *Problemy vospriiatiia rechi* [Problems of Speech Comprehension]. St Petersburg: SPbGU Press.
- Zakharova, E. V. (2015). *Intergatsiia substratnykh pribaltiisko-finskikh toponimov v russkuiu toposistemu Vostochnogo Obonezh'ia* [Integration of Substrate Finnic Toponyms into the Russian Toponymic System of the Eastern Lake Onega Region] (Doctoral dissertation). Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of the RAS, Petrozavodsk.
- Zlatoustova, L. V. (1962). *Foneticheskaia struktura slova v potoke rechi* [Phonetic Structure of a Word in the Flow of Speech]. Kazan: Kazan University Press.

Received on 27 September 2020